

Ван Данянь?

Цзян Цяньэр на мгновение замерла, а затем вспомнила.

Того самого никчемного ублюдка-любовника из прежних воспоминаний звали как раз Ван Данянь. А эти звуки снаружи, совсем не похожие на пение кукушки, были его условным сигналом для Цзян Цяньэр.

Цзян Цяньэр успокаивающе улыбнулась Чжоу Синшаню:

— Я буду не с ним, я буду с тобой.

С этими словами она, не обращая внимания на зажатый в его руке тесак, подошла к окну и с шумом выплеснула всю бадью с кровавой водой наружу.

Кудахчущие звуки снаружи мгновенно оборвались.

Рука Чжоу Синшаня, державшая тесак, напряглась, и он недоверчиво посмотрел на Цзян Цяньэр.

Она...

Она окатила Ван Даняня водой с ног до головы?

Разве раньше она не избивала его, не ругала, не проклинала и не желала ему немедленной смерти лишь бы остаться с ним?

Закончив с водой, Цзян Цяньэр бросила деревянную бадью на землю рядом и подхватила валявшуюся там же окровавленную толстую палку толщиной с человеческую руку:

— Я пойду посмотрю, дверь запираться не стану.

Чжоу Синшань слегка растерялся, подавшись корпусом вперед, он проводил взглядом Цзян Цяньэр, которая решительно зашагала к выходу с палкой наперевес. Ее свирепый вид совсем не походил на встречу с возлюбленным — она выглядела так, будто собралась драться насмерть.

Выйдя во двор, Цзян Цяньэр увидела, что бывший любовник-бродяга Ван Данянь, с которого капала кровавая вода, приник к забору. Его мутные глаза источали похоть:

— Цяньэр, Цяньэр, братец так соскучился. Братец пришел навестить тебя, а ты так со мной

поступаешь? Иди сюда, чмокни брата, и он тебя простит.

Отец Ван Даняня при жизни был плотником. Благодаря добросовестности, честности и золотым рукам заказов у него было немало, так что их семью считали одной из лучших в деревне.

Его мать родила трех дочерей и лишь потом наконец произвела на свет сына, над которым тряслись всем сердцем: боялись уронить, боялись, что растает во рту. Его избаловали с малых лет, и он привык жить на всем готовом.

Однако после смерти отца Ван Данянь не унаследовал его ремесло, зато пристрастился к выпивке, азартным играм и борделям, из-за чего семья быстро разорилась. Чтобы покрывать свои долги, Ван Данянь без колебаний выдавал старших сестер замуж — то за стариков в качестве вторых жен, то в наложницы.

Получив деньги за продажу сестер, он спускал их на выпивку и блуд, а когда средства заканчивались, принимался воровать курей и собак. Вся деревня терпеть его не могла, и никто в здравом уме не хотел отдавать за него дочь.

В конце концов он присосался к Цзян Цяньэр, умудрился задурить ей голову и выманить у нее немало серебра. Была лишь одна неприятность: эта Цзян Цяньэр не позволяла себя трогать и гладить, ломала комедию, держала фасон и твердила, будто отдастся ему только после свадьбы.

Женщина, побывавшая замужем дважды — до какой чистоты ей было опускаться? Товар уже второй или третий сорт, а всё туда же — воображает себя благородной и невинной.

Поэтому он и задурил ей голову: мол, Чжоу Синшань во время своих торговых поездок припрятал куда больше денег, и единственный барьер между ними — это как раз Чжоу Синшань. Стоит только забрать его деньги и прикончить его, как они смогут быть вместе долго и счастливо.

Он никак не ожидал, что Цзян Цяньэр поверит ему, свяжет Чжоу Синшаня, станет морить голодом и жаждой да еще и бить. Такой жестокости он сам от нее не ожидал — даже испугался.

Пробежав где-то два дня и порассуждав о том, что без жестких мер не стать мужиком, он решил, что сейчас всё уже должно быть кончено, а потому и явился сюда, рассчитывая поживиться за чужой счет.

Цзян Цяньэр, волоча за собой палку, подошла к глинобитной стене и, задрав голову, посмотрела на Ван Даняня:

— Братец Данянь, наконец-то ты пришел! У тебя есть с собой серебро?

Ван Данянь опешил:

— Милая Цяньэр, откуда у меня серебро? Всё, что было, я потратил на твою заколку с цветком. Этот цветок у тебя на голове стоил мне целых две цяни серебра!

Цзян Цяньэр дотронулась до головы. Там красовался простенький белый шелковый цветок — совсем не похоже, что за него заплатили серебром, скорее уж стянули с какой-нибудь вдовы и принесли ей в подарок.

Нащупав на голове тусклый белый цветок, Цзян Цяньэр изобразила тоску во взгляде, опустила голову и жалобным, слабым голосом произнесла:

— Братец Данянь, не то чтобы я сама к тебе с серебром пристаю... Просто у этого Чжоу Синшаня есть десять лянов серебра, но он не хочет отдавать их разом. Говорит, чтобы я сама поискала, и только тогда отдаст.

Прежняя хозяйка тела вытянула из Ван Даняня по меньшей мере семь-восемь лянов. По меркам нынешнего времени на семь-восемь лянов большая семья могла питаться мякиной и овощами целых два-3 года.

У Чжоу Синшаня в заначке едва ли набралось бы десять лянов, и те прежняя владелица тела почти полностью выскребла до дна, спустив на Ван Даняня.

Услышав про десять лянов, Ван Данянь вспыхнул жадным блеском в глазах. Он прекрасно понимал: без рыбной ловли не вытащишь и рыбки из пруда. Чжоу Синшань — человек ушлый, и пока не дашь ему серебра взамен, тех десяти лянов не видать.

Ради десяти лянов Ван Данянь принялся шарить по карманам на груди и наконец выудил оттуда три ляна серебряной крошки:

— Цяньэр, больше у брата нет, только три ляна. Возьми их, обменяй на его серебро, вымани у него эти десять лянов, а заодно спроси, не спрятал ли он еще где-нибудь деньжонок.

<http://bllate.org/book/21704/2241608>